

34. Лучук Т. Літературний ар'єргард. Поетична концепція ЛУГОСАДу / Тарас Лучук // Сучасність. – 1993. – № 12. – С. 15-17.
35. Лучук Т. Щодня крім сьогодні : вірші й переклади / Тарас Лучук. – Львів : Вид-во Львівської політехніки, 2002. – 228 с.
36. Матвієнко С. Дискурс формалізму: український контекст / Світлана Матвієнко ; Соло триває... нові голоси. Лекція на пошану Соломії Павличко, 2002. – Львів : Літопис, 2004. – 144 с.
37. Наєнко М. Історія українського літературознавства : підручник / М. К. Наєнко ; вид. друге, зі змінами й допов. – К. : ВЦ "Академія", 2001. – 360 с. – (Серія "Альма-матер").
38. Наливайко Д. Теорія літератури й компаративістика / Дмитро Наливайко. – К. : Вид. дім "Києво-Могилянська академія", 2006. – 348 с.
39. Павличко С. Теорія літератури / Соломія Павличко ; упоряд. В. Агєєва, Б. Кравченко ; вид. друге. – К. : Вид-во Соломії Павличко "Основи", 2009. – 680 с.
40. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня ; сост., вступ. стаття, комент. А. Б. Муратова. – М. : Высшая школа, 1990. – 344 с. – (Серія "Классика литературной науки").
41. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня ; сост., вступ. стаття, библиогр. и прим. И. В. Иваньо, А. И. Колодной. – М. : Искусство, 1976. – 614 с. – (Серія "История эстетики в памятниках и документах").
42. Потебня О. Естетика і поетика слова : збірник / Олександр Потебня ; упорядкув., вступ. стаття, приміт. І. В. Иваньо, А. І. Колодної ; пер. з рос. – К. : Мистецтво, 1985. – 302 с. – (Серія "Пам'ятки естетичної думки").
43. Поэтика : труды русских и советских поэтических школ / сост. Д. Кирай, А. Ковач. – Budapest : Tankönyvkiadó, 1982. – 780 с.
44. Рікер П. Інтелектуальна автобіографія. Любов і справедливість / Поль Рікер ; пер. з фр. – К. : Дух і літера, 2002. – 114 с.
45. Сервантес Сааведра М. де. Премудрий гідальго Дон Кіхот з Ламанчі : роман / Мігель де Сервантес Сааведра ; пер. з ісп. М. Лукаша ; післям. Г. Кочура. – К. : Дніпро, 1995. – 703 с.
46. Слово. Знак. Дискурс : антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. / за ред. М. Зубрицької ; 2-е вид., доповнене. – Львів : Літопис, 2001. – 832 с.
47. Сучасна літературна компаративістика: стратегії і методи : антологія / за заг. ред. Д. Наливайка. – К. : Вид. дім "Києво-Могилянська академія", 2009. – 488 с.
48. Теорія літератури в Польщі : антологія текстів. Друга половина ХХ – початок ХХІ ст. / упорядкув. Б. Бакули ; за заг. ред. В. Моренця ; пер. з пол. С. Яковенка. – К. : Вид. дім "Києво-Могилянська академія", 2008. – 532 с.
49. Тодоров Ц. Поняття літератури та інші есе / Цветан Тодоров ; пер. з фр. Є. Марічева. – К. : Вид. дім "Києво-Могилянська академія", 2006. – 164 с.
50. Українські приказки, прислів'я і таке інше / збірник О. В. Марковича та інших ; уклад М. Номис ; упорядкув., приміт. та вступ. стаття М. М. Пазяка. – К. : Либідь, 1993. – 768 с. – (Серія "Літературні пам'ятки України").

Александр ГЛОТОВ

ФЕНОМЕН ГОСУДАРСТВА

Окончательной истиной владеет, кроме Господа Бога, только психически больной субъект.

А потому я даже и не буду пытаться как-то научно актуализировать эту попытку порассуждать о государстве. Поскольку на протяжении всей своей сознательной жизни, сначала в качестве советского человека, а затем гражданина независимого демократического государства, я непрерывно испытывал на себе, наравне с естественным и физически оправданным атмосферным давлением, неестественное и отнюдь не целесообразное давление некоего загадочного феномена, именуемого государством. Причем, если давление атмосферное выражалось в конкретных миллиметрах ртутного столба, то давление государства всегда было многообразным и непредсказуемым. Как говорил Михаил Жванецкий, в то, что будет хорошо, не поверю никогда, в то, что будет плохо, поверю сразу и навсегда. И, не привлекая никаких статистических данных, но опираясь исключительно на свой личный жизненный опыт, к счастью, не обремененный пока какими-либо катастрофическими событиями, связанными с непосредственными конфликтами с государством, тем не менее могу смело предположить, что обычное, рутинное отношение гражданина к государству является по меньшей мере настороженным. Как к незнакомого, но угрожающего вида собаке. Вот вроде бы собака – домашнее животное, но в то же время – с зубами. И спиной к ней лучше не поворачиваться. Да и бежать не рекомендуют – начнет догонять.

А с другой стороны, именно идея государства как во времена советские, так и в нынешние, подвигает человеческие массы на различные патетические, я бы даже сказал, пафосные и самоотверженные деяния, способные впоследствии, когда о них вспоминают, например, посредством произведений искусства, вызывать умиление и сладостное содрогание. То и дело возникают периоды, когда простой обыватель начинает ощущать себя защитником того самого феномена, к которому в

будние дни он испытывал отнюдь не благостные чувства. И лохматая зверюга с оскаленной пастью нечувствительным образом превращается в беззащитное существо, остро нуждающееся в лично твоей поддержке.

Единственное, что явственно объединяет эти прямо противоположные состояния, так это отчетливое ощущение отделенности личности от государства. И даже личностей от государства. И даже вообще людей – от государства. Как если бы государство существовало само по себе, а люди – сами по себе. Государство что-то делает, что может быть полезным для людей, а может и притеснять их. Можно осуждать действия государства, а можно одобрять. Но все это происходит помимо ежедневного и доступного пониманию человеческого быта.

Разумеется, я читал конституции, где написано, что власть в государстве принадлежит народу. Я вообще люблю читать как научную фантастику, так и юмористические рассказы.

Ясное дело, что я активно участвовал в различных выборах и даже горячо соперничал тем или иным своим фаворитам, но точно так же я соперничал и сборной страны по футболу, и братьям Кличко.

Само собой, я время от времени наблюдаю законодательную деятельность, которая к настоящему моменту привела к тому, что действующих нормативно-правовых актов в этом государстве равным счетом 157366 штук, которые, во-первых, всегда друг друга опровергают, а во-вторых, практически никем не соблюдаются. Причем, нравы в законодательной среде настолько вольные, что в принципе она успешно соперничает с шоу-бизнесом. Центральная исполнительная власть старается в этом плане не отставать, выдвигая то и дело очередных звезд, популярностью затмевающих записных юмористов.

И естественно, никто всерьез не отождествляет всех этих шоуменов с государством. То есть, всё это – некие зрелища, повод для сплетен, анекдотов и разговоров.

Так обстоит дело с феноменом государства на уровне обыденного сознания.

Но в то же самое время я, как человек когда-то чему-то обучавшийся, иной частью своего сознания, уж даже и не скажу – какой именно, не менее отчетливо регистрирую другие аспекты этого феномена, происходящие из той сферы человеческой деятельности, которая постоянно норовит как-то упорядочить наш разум, объяснить нам, что мы должны делать, как мы это должны делать и почему мы это должны делать.

И вот оттуда, из этих заоблачных высей, приходят к нам некие объяснения, которые должны нас вразумить.

Вот, например, философ утверждает, что «существование государства, – это шествие Бога в мире; его основанием служит сила разума, осуществляющего себя как волю» (Г.Гегель). Боюсь даже предположить, что на это могут сказать кантианцы, но, согласитесь, звучит замечательно. Правда, что конкретно я как гражданин государства в свете сказанного должен делать – трудно сообразить.

А вот определение, данное знаменитым политическим деятелем: «Государство воспитывает граждан в гражданских добродетелях, оно дает им сознание своей миссии и побуждает их к единению, гармонизирует интересы по принципу справедливости; обеспечивает преемственность завоеваний мысли в области знания, искусства, права, гуманной солидарности; возносит людей от элементарной, примитивной жизни к высотам человеческой мощи». Ну каждое слово хочется высечь золотом на мраморе и следовать ему в повседневной жизни. Особенно после того, как узнаешь, что написано это в книге под названием «Доктрина фашизма», а автор ее – Бенито Муссолини.

Есть, конечно, и в этой среде разнузданные циники, потакающие низменным обывательским воззрениям и подогревающие нездоровые страсти. Такие, как, например А.Шопенгауэр. Он ведь такое сказанул, что ну ни в какие ворота. «Государство – не что иное, как намордник для усмирения плотоядного животного, называющегося человеком, для придания ему отчасти травоядного характера». Ведь это про нас с вами. И как вам это понравится?

Да, меня в свое время ознакомили с идеологически выдержанными, рационально доступными дефинициями понятия «государство». Скучные, надо сказать, определения, а потому – мало убедительные. Я даже не стану их цитировать. Ну в самом деле, разве это «способ организации общества» творит всё то, что нам приходится испытывать? К кому прикажете апеллировать в случае недовольства? К этому самому способу? А где его искать?

Были, конечно, и более энергичные мыслители. Вот В.И.Ленин любил иногда крепко построенные фразы конструировать: «Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы». И все ясно. Главное – в нужном классе оказаться. Хоть и все равно абстрактно. Машины этой никто не видел, бензин в нее не заливал и колес не подкачивал. То есть, метафоры все это, беллетристика.

Так что же такое государство? Попробуем в поисках ответа идти от противного. Прежде всего, является ли феномен государства натурфактом, чем-то таким, что существует отдельно от сообщества людей, которое в какой-то момент своего существования освоило его и приспособило к своим нуждам? Чем-то стихийным, таким, что требовало при вхождении в него приобретения определенных навыков, таких, как при освоении водного пространства или пространства воздушного? Очевидно, нет.

Является ли государство неким абстрактным свойством, присущим любому представителю человеческого рода, таким, как, например, способность к речевой деятельности, наличие определенного темперамента и тому подобное? Настолько же очевидно, что человеческая особь, как свидетельствует история, вполне может полноценно существовать и даже в окружении себе подобных, нимало не озабочиваясь отсутствием признаков государственности в данном сообществе. Следовательно – произвольным человеческим свойством государство также не является.

Может быть, государство – это некий артефакт, что-то изобретенное человечеством, такое, как, например, способ возделывания земли, одомашнивание диких животных, изобретение колеса и различных видов транспорта, основанных на его использовании, система телефонной связи, телевидение, Интернет и тому подобное? Отнюдь, поскольку способы управления людьми по большому счету, появившись единожды, никак не модифицировались по своей сути, во-первых. А во-вторых, сами по себе приемы властного управления еще не создают государства как такового. Можно руководить себе подобными, подчиняться себе подобным, но не жить при этом в государстве. Стало быть, государство не является неким изобретением человеческого разума, которое может быть применено в случае необходимости.

Может быть, это некое искусство? Ведь называли же латиняне комплекс навыков государственного управления «*ars gubernandi*» – искусство правления. Но в любом искусстве решающую роль играет такой априори неопределимый, но явственно ощущаемый фактор как талант. И кроме того, искусство творится прежде всего для достижения эстетического удовлетворения. Вот уж чего в государстве никогда не водилось.

Возможно, государство – это некая наука. Ведь разъезжают же по миру ученые консультанты, советующие правителям, как правильно обустраивать государственный аппарат. Ведь существуют же во многих странах учебные заведения, где готовят специалистов-профессионалов по государственному управлению. Стало быть, есть некая сумма знаний, гарантирующая безбедное и бесконфликтное существование государства. Но если мне назовут хотя бы одно такое государство на планете Земля в 2010 году от рождества Христова, я тут же соглашусь с этим тезисом.

Пока же приходится признать, что государство – не есть естественная природная сущность, не есть свойство человеческой природы, не есть продукт человеческой деятельности, не есть искусство и не есть наука. Тогда что же это?

И тут возникает некий парадокс. При всей критической направленности обыденного сознания в адрес государства рядовой гражданин отнюдь не стремится стать так называемым лицом без определенного гражданства. Потому что, во-первых, на планете Земля не охваченной государствами осталась только территория Антарктиды. Но там довольно прохладно. А во-вторых, несмотря на прошедшие тысячелетия реальной истории человечества, осененные идеей государства, чаяния обывателя на то, что это самое неведомое и невидимое государство ночей не спит, все думает о том, как бы ему, обывателю, лучше жилось, до сих пор чудесным образом оказались не истребленными. Я такой страны не знаю, где бы обывателя массово не сжигали, не вешали, не топили, не морили голодом и не расстреливали в те или иные периоды ее истории. А он каждый раз возрождается из пепла и очередную государственную формацию радостно приветствует звоном щита.

И что самое невероятное – продолжает предполагать, что государство только для того и существует, чтобы радовать о его, обывателя, интересах.

Государство, разумеется, не спешит обывателя разуверять. И даже наоборот – всячески поддерживает его в этом счастливом заблуждении. Государство забирает у обывателя заработанные им деньги в виде налогов, заставляет его проливать кровь на полях сражений, наказывает его за нарушение придуманных им правил поведения, называемых законами – объясняя необходимость всего этого и многого другого защитой жизни, здоровья и благосостояния обывателя, обеспеченной усилиями этого самого государства.

И пора от мистики переходить к тому, что вещи должны быть называемы своими именами.

Потому что нет и никогда не существовало никакого отдельного от человеческого сообщества фантома под названием «государство». Государство – это группа людей, профессионально занимающихся некой производственной деятельностью по осуществлению функций, определенных задачами этого производства.

Если хотите, это своего рода предприятие. Конвенцией Монтевидео 1933 года определены четыре признака государства: постоянное население, определенная территория, собственное правительство и способность к вступлению в отношения с другими государствами. И что же? Да любая фабрика должна иметь постоянный штат работников, ограниченную забором территорию, собственный директорат и налаженные связи с поставщиками и потребителями. И в чем тут принципиальная разница?

А ее просто нет. Вопрос только в том, кто именно директорат, а кто работник.

И тут возникает вопрос легитимности власти. А это, по сути, – проблема соответствия занимаемой должности. Как в любой другой профессии человек, претендующий на должность, обязан предъявить

некий сертификат, свидетельствующий о его надлежащей квалификации. В разные времена этот документ мог по-разному и выглядеть.

Вспомним второй библейский конфликт. Первым был конфликт по поводу плода с дерева познания добра и зла. Окончился он, как известно, для одной из сторон плачевно. Вторым же был конфликт между Авелем и Каином.

«Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина... И еще родила брата его, Авеля. И был Абель пастырь овец, а Каин был земледелец. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, и Абель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его... И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Быт 4:1-8).

А что, собственно, происходит? Сыновья первых людей, отлично понимают, что папенька с маменькой в свое время по молодости набедокурили и сильно проштрафились, и теперь уже им самим, без родительской протекции, надо как-то выбиваться в люди, искать расположения того, кто на тот момент и выдавал мандат на власть. И вся эта процедура – не что иное, как экзамен на профпригодность в очах Божиих. Абель, будучи скотоводом, разложил костерок, соорудил мангальчик – и запах к небесам понесся, очевидно, божественный. Ничего удивительного, что «призрел Господь на Авеля и на дар его». Ведь что в свою очередь предложил земледелец Каин? А что он мог предложить, кроме сырых, в лучшем случае – вареных овощей. Из чего делаем вывод, что вегетарианцем Господь не был. И Каин провалил экзамен.

Впрочем, весь этот административно-кулинарный эксперимент в целом надо признать неудавшимся. Зоотехник Абель, вроде бы и выигравший тендер, погибает, агроном Каин отправляется в изгнание, Ева вынуждена рожать следующего сына, Сифа, который уже никаким проверкам не подвергается. Передачу мандата законной власти на земле было признано несвоевременной и посему отложено на несколько поколений.

Впоследствии проблема государственной власти в Святом Писании непрерывно муссируется. На ней делается особый акцент. Правомочность некоей личности судить, карать и миловать, определяется исключительно божественным расположением. Структура общества все более угрожающе принимает форму пирамиды. Вертикаль власти как единственно возможная сущность становится все более самоочевидной. Исключительность статуса государственного чиновника становится все более безвариантной. Идея помазанности на власть становится единственной и непреодолимой. Библейские цари и судьи могут быть уничтожены Богом за совершенные грехи, но не могут быть переизбраны и отправлены на пенсию.

И даже с приходом на Землю Бога-сына практически ничего не меняется. Вот один из самых популярных в Новом завете эпизодов:

Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах. И посылают к Нему учеников своих с иродянами, говоря: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице; так скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет? Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: так отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Услышав это, они удивились и, оставив Его, ушли (Мф 22:15-22).

Мнется Учитель, не договаривает. Иисус совершенно очевидно уходит от прямого ответа на прямой вопрос: как человеку относиться к государственной власти? Поддерживать ли ее, платя ей налоги, или же входить с ней по мере необходимости в конфронтацию?

В Евангелии есть и иная позиция Спасителя. *«Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф 28:18).* Тут причина различия очевидна. Невнятные рассуждения о портретах на денежных единицах – это слова человека, еще не прошедшего испытания страхом перед смертью, ужасом распятия, чудом воскрешения. Вторая же реплика принадлежит воскресшему Богу. Который, впрочем, после этого благополучно вознесся на небеса, так и не свергнув предварительно хотя бы в качестве демонстрации той самой власти ни одного из кесарей.

Идея о том, что всякая власть государственная освящена неким высшим авторитетом, что люди, получившие ее, знают нечто такое, что недоступно простым смертным и потому имеют право вершить судьбы подданных, остается незыблемой до сих пор, несмотря ни на какие демократии.

В различных этно-конфессиональных культурах к этой идее приходили, разумеется, по-разному, но все равно приходили. У Конфуция, например, важнейшей категорией является принцип «сяо» («сыновняя почтительность») – подчинение младшего старшему, низестоящего вышестоящему, подданных государю, основанное на уважении и почтении.

Но с давних времен были люди, сомневавшиеся в том, что государственные чиновники чем-то принципиально отличаются от иных людей. Что они свободны от естественных человеческих

побуждений только в силу занимаемой должности. Что став государственным чиновником, человек автоматически переходит в разряд небожителей, заботящихся исключительно о народном благе, и перестает пользоваться канализацией.

Еще Платон откровенно высказывал такие сомнения: «Ты полагаешь, будто и в государствах правители – те, которые по-настоящему правят, – относятся к своим подданным как-то иначе, чем пастухи к овцам, и будто они днем и ночью только и думают о чем-то ином, а не о том, откуда бы извлечь для себя пользу... Подданные осуществляют то, что пригодно правителю, так как в его руках сила».

Разумеется, такого рода сомнения не могли не оскорблять обывателя, продолжавшего надеяться на то, что государственный человек принципиально по-иному создан, что он сам не доест, а подданного накормит.

И потому появившиеся время от времени вполне здравые рассуждения о профессиональной сути работы государственного чиновника числились по разряду еретических, циничных, прямо таки непристойных откровений. Вот написал Николо Макиавелли учебник государственного служащего под названием «Государь» – и термин «макиавеллизм» на долгое время стал ругательством. А ведь ничего противоестественного там не написано. Даны конкретные советы для профессионального служащего, менеджера высшего звена: «Государю нет необходимости обладать всеми добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими», «Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми». Не Бог ведь какие открытия, но по крайней мере – честно и оберегает чиновника от совершения очевидных ошибок.

Во всяком случае без конфуцианских благоглупостей такого типа как «Управлять – значит поступать правильно. Если, управляя, вы будете поступать правильно, то кто осмелится поступать неправильно?». Вот где, когда и кого это останавливало?

В конечном счете мысль об идентичности профессии государственного служащего любой другой профессии довольно давно и открыто распространяется. Просто ранее это считалось неким буржуазным заблуждением: «Корпоративное государство, одна из форм авторитарного политического режима. Идеологи корпоративного государства рассматривают государство как совокупность публичных служб (корпораций), выполняющих определенные социальные функции. Наиболее последовательно идея корпоративного государства была проведена при режиме Франко в Испании». Вот так, повесь ярлык – «режим Франко», и все станет на свои места.

А между тем в идее корпоративного государства нет никакой крамолы. Мартин ван Кревельд в монографии «Расцвет и упадок государства» пишет о том, что государство – это всего лишь частный случай корпорации. «Как и любая корпорация, оно имеет своих директоров, служащих и пайщиков».

И, как и в любой другой профессии, люди занимаются этим делом прежде всего потому, что, реализуя в ней свои подходящие для этой работы таланты и способности, они могут здесь получать максимально возможную прибыль. И ожидать от них чего-то иного просто бессмысленно.

Ведь не ждем же мы свершения подвигов и самопожертвования от аптекаря и сантехника, таксиста и преподавателя. Главное, чтобы и таксист и представитель государства профессионально выполнял свои обязанности и не обворовывал нас при этом.

То есть, государство – это бизнес, это вид профессиональной предпринимательской деятельности и не более того.

И здесь, как и в любой другой профессии, могут быть менее и более способные к ней. Но менее способный к какой-то деятельности только из-за этого не должен в глазах окружающих становиться преступником. Если у президента или премьер-министра не заладилось что-то на службе, его можно освободить от занимаемой должности, но совсем не обязательно проклинать как не оправдавшего чьих-то надежд или тем более – подвергать репрессиям.

И если сын токаря тоже становится токарем – это хорошо, это династия, то почему плохо, когда сын госслужащего тоже выбирает эту профессию?

В каждой профессии есть свои критерии определения пригодности, способностей или даже таланта. Очевидно, что для государственного деятеля одним из главных свойств, определяющих его успешность в профессии, является так называемая харизма. И наличие ее отнюдь не должно ему ставиться в упрек.

В конце концов, труднее всего избавляться от разочарований обманутых ожиданий. И пока человечество будет коснеть в иллюзиях относительно сущности государства как такового – конфликты внутри самого государства неизбежны.

ПОНЯТТЯ СТАТЕВИХ ВІДМІННОСТЕЙ У ФЕМІНІСТИЧНОМУ НАРАТИВІ

Анотація. У статті розглядається питання статевої відмінності у феміністичному наративі із позиції основних представників французького фемінізму та сучасних дослідників. Однією із основних теза про визначальну роль мови в оформленні ідеологій.

Ключові слова. Фемінізм, теорія, відмінність, мова, досвід, патріархальний, наратив.

The article deals with the conception of sexual difference in feminist narratives from the position of French feminist theorists and modern writers. One of the main is the issue of sexual difference in relation to language.

Key words. Feminism, theory, difference, language, experience, patriarchal, narrative.

В статтє представлено понимание понятия половых отличий в феминистическом нарративе с точки зрения представителей французского феминизма и современных исследователей. Один из основных – тезис об определяющей роли языка в оформлении идеологий.

Ключевые слова. Феминизм, теория, отличие, язык, опыт, патриархальный, нарратив.

Вступ. Від рівноправ'я до відмінності. У другій половині 1970-х у Франції відбувся досить суперечливий злам у феміністичній теорії, відлуння якого відчувалось в Америці та Англії у 1980-х. Ним став поворот від проблематики рівноправ'я до проблематики статевої відмінності. Втілюючи на практиці нагальні питання раннього періоду, феміністська теорія відійшла від однорідності своїх потреб, усвідомлюючи, що людське бачення світу втілюється, переноситься та зберігається у мові, де і потрібно шукати ключ до змін. Таке розуміння стало причиною ряду розбіжностей між французьким та Англо-Американським фемінізмом. Хоч Англо-Американські феміністські критики зауважили роль мови у припиненні жінок, але лише французькі визначили, що проблема полягає уже не в тому, щоб вибороти жінкам право діяти у суспільстві нарівні з чоловіками, а в тому, щоб сформулювати “подвійну вимогу” (термін Люс Ірігаре) – вимогу водночас рівноправ'я й відмінності [4].

Нові теми і формальні експерименти із *écriture feminine* у поєднанні із усталеною оповідною технікою, зміщення суб'єкта і надання гендерного забарвлення його стосункам із об'єктом наративу, наголос на множинності значень, створених в результаті гри слів і порушення законів мови та влаштування тексту у творах феміністських письменниць чітко контрастують із творами епохи реалізму, де протагоністки боролись за політичну, соціальну, економічну та культурну рівність із чоловіками. **Мета** цієї статті – висвітлити позицію теоретиків французького фемінізму та сучасних дослідників щодо поняття статевої відмінності у феміністичному наративі.

Мова і міф. Оформлення теорій французьких феміністок відбулось не в останню чергу під впливом теорій розвитку мови, які частково обґрунтовують основи „маскулінного” порядку влаштування Західного суспільства. Він базується, перш за все, на системі уявлень, якою стали міфи і мова як невід'ємна частина сприйняття суб'єктом дійсності і його місця у ній. Карл Густав Юнг стверджує, що міф — це форма колективної свідомості, міфологія виникає як родова свідомість, тобто людина у первісному світі існує як невід'ємна частина роду [2, 243] (у нашому випадку так само – від спільноти собі подібних – Л.Ш.). Людина не відрізняє себе від інших людей та від усього роду (спільноти) взагалі. Французький антрополог, Клод Леві-Стросс, опираючись на теорію Соссюра щодо структурного підходу до мови як системи значень, довів, що міфи у культурі володіють такою ж силою і мають таку саму структуру, як і мова. Вони так само відображають і впливають на людське сприйняття дійсності. За його висновками, сила міфів полягає не в самій історії, яка в них розповідається, а у тому, як у них представлено реальність. У праці *The Elementary Structures of Kinship* Леві-Стросс стверджує, що однією із передумов патріархального порядку стала традиція бачити жінку в культурі у ролі „об'єкта обміну” [19 у 28, 5]. Розгортаючи теорію Леві-Стросса, французький філософ та історик Мішель Фуко продемонстрував, що у мові кодується ідеологія, що і має безпосередній вплив на формування наших поглядів на світ. Фуко досліджує, як процеси розмежування, протиставлення і виключення у різні часи в історії визначали уявлення про сексуальність, злочинність і божевілья. Він наголошує на тонкій межі між домінуючим дискурсом владної групи і дискурсом пригноблених нею. Ілюстрацією до твердження Фуко є модель хазяїн-раб Сімони де Бовуар у праці „Друга стаття”, за якою вона демонструє, як ідентичність суб'єкта формується в залежності від об'єкта чи „іншого”. Чоловік є суб'єктом, жінка – „Іншим” [1, там само, 5]. Французький психоаналітик Жак Лакан проводить паралель між